

Се Хуэйлань с покрасневшими глазами сказала:

— Мой брак с Шэнь Цзюньжу не был добровольным. Этот лицемер сначала опозорил меня, а потом принудил к браку угрозами. Мне ничего не оставалось, как подчиниться.

— Вы должны знать, что мой отец и Шэнь Цзюньжу были близкими друзьями, а я и госпожа Шэнь — подругами с детства, мы вместе росли. Когда моего отца посадили в тюрьму, я была в панике и, не зная, что делать, первым делом побежала за помощью в дом Шэнь.

— Но мне не повезло: госпожа Шэнь простудилась, приняла лекарство и уже спала. Я металась в отчаянии, но не хотела её беспокоить. В этот момент Шэнь Цзюньжу вернулся с аудиенции и, увидев меня, стал расспрашивать об отце. Я всегда уважала его как старшего и в своём горе обратилась к нему за помощью. Этот лицемер прикинулся доброжелательным и, под предлогом помощи моему отцу, заманил меня в комнату, где и совершил...

Се Хуэйлань запнулась, слёзы закапали из её глаз, на лице застыли стыд и унижение.

— Этот зверь в человеческом облике опозорил меня. Я хотела покончить с собой, ударившись головой о стену, но он меня остановил. Он пригрозил: если я кому-нибудь проболтаюсь, он сделает так, что мой отец умрёт в тюрьме, а наш род будет уничтожен! Сказал, что давно положил на меня глаз и хочет взять в жёны, а через несколько дней придёт с предложением.

— В то время мой отец уже решил отдать мою младшую сестру в наложницы начальнику Вань, так что мне не нужно было выходить за Шэнь Цзюньжу, чтобы спасти отца. Но, во-первых, он опозорил меня, и я больше не могла выйти замуж за другого, а во-вторых, я боялась, как бы он не навредил отцу и тот не вышел из тюрьмы живым. Так что пришлось согласиться на этот брак. Но в душе я никогда не прощала этого подлого зверя и не считала его своим мужем. Я терпела, завоёвывая его доверие и расположение, и наконец-то небеса дали мне подходящий случай отомстить и смыть позор!

Её рассказ вызвал бурю в сердцах всех троих слушателей. Для женщины, особенно знатной девицы из хорошей семьи, честь была дороже жизни. Вряд ли она стала бы шутить с такой вещью, как своё доброе имя. Если Шэнь Цзюньжу и вправду совершил нечто подобное, то это было верхом морального падения, недостойным звания наставника императора!

Лю Чун снова спросил:

— Допустим, у вас был мотив. Но как вы, хрупкая женщина, всё спланировали и осуществили? Были ли у вас сообщники?

— Шэнь Цзюньжу хотел, чтобы я родила ему сына, поэтому приходил ко мне каждую ночь. Я под предлогом укрепления его здоровья попросила в Зале Возвращения Весны выписать рецепт отвара, поднимающего ян, и уговорила его принимать снадобье ежедневно. У Шэнь Цзюньжу с детства была слабость, от вина у него начиналась одышка и стесняло грудь. А в том отваре был грецкий орех, который в сочетании с вином вызывает кровохарканье. Два этих вредных воздействия вместе вполне могли его убить.

— Я заранее разузнала, что Шэнь Юйчжу страстно любит вино и прячет на кухне бутылку крепкого напитка. В ту ночь я послала служанку Дун Мэй позвать Шэнь Цзюньжу в мои покои, а сама, дождавшись, когда никого не будет, пробралась на кухню, отвлекла служанку Цю Лянь, что готовила отвар, достала вино из шкафа, подлила в снадобье и быстро вернулась к себе.

— Поскольку Шэнь Цзюньжу умер во время соития, это легко было списать на «конский

ветер». Когда я сообщала о смерти в Управу Шуньтянь, то так и сказала. А потом сунула следователю немного серебра, намекнув, что семейные дела не должны становиться достоянием общественности, и попросила указать причину смерти как «конский ветер», чтобы поскорее дело закрыть.

Се Хуэйлань подняла глаза и с горьким упрёком взглянула на Дуань Минчэня и Гу Хуайцина.

— Но не тут-то было: дело привлекло внимание Гвардии в парчовых халатах и Восточной Ограды. Вы, господа, оказались очень проницательными и сразу раскусили, что Шэнь Цзюньжу умер не своей смертью. Тогда мне пришлось направить подозрения на Шэнь Юйчжу — вино-то было его, да и днём он поссорился с Шэнь Цзюньжу, и вечером на кухню заходил. Повод и возможность были.

Гу Хуайцин не выдержал:

— Вы так тщательно всё спланировали, даже подставного убийцу приготовили. Почему же теперь сами пришли с повинной?

Се Хуэйлань печально улыбнулась:

— Как говорится, сети небесные редки, но ничто не ускользает. Вы ведь уже установили, что убийца — не Шэнь Юйчжу, иначе зачем было устраивать такой шумный обыск? Я знала, что мне не скрыться, рано или поздно вы бы всё равно докопались до правды. Лучше уж самой признаться, чем день и ночь мучиться. Такова... моя судьба.

Она поклонилась Лю Чуну, коснувшись лбом пола.

— Долг нужно платить, за убийство — отвечать. Я признаю свою вину. Прошу вас, арестуйте меня.

Лицо её было спокойным, взгляд — ясным и твёрдым, будто она сбросила с плеч тяжкий груз.

Лю Чун с сожалением посмотрел на неё и резко махнул рукой. Двое крепких гвардейцев в парчовых халатах тут же подошли и заковали Се Хуэйлань в кандалы.

— Вам есть что добавить? — спросил Лю Чун.

Се Хуэйлань обернулась, окинула взглядом дом Шэнь, в её глазах мелькнула тоска, но она лишь тихо произнесла:

— Нет. Шэнь Цзюньжу убила я, и я должна понести наказание. Это дело не касается других, прошу вас не втягивать невиновных.

Не дожидаясь, пока стража её подтолкнёт, она подняла голову и пошла вперёд под изумлёнными взглядами обитателей дома Шэнь. Белый подол её платья стелился по земле, и даже в кандалах она не утратила своей величественной осанки.

Гу Хуайцин задумчиво смотрел на удаляющуюся фигуру Се Хуэйлань. Неужели это запутанное дело, в котором было столько нитей, завершится таким неожиданным образом?

А Дуань Минчэнь, не проронивший ни слова с момента появления Се Хуэйлань, лишь молча смотрел. Его взгляд был глубок и непостижим, как тёмная поверхность моря перед бурей...

Гу Хуайцин, погружённый в тяжёлые мысли, вернулся во дворец. Его положение при дворе было особым, и никто, кроме императора Сяо Цзина, не смел спрашивать о его перемещениях.

Последние два дня Сяо Цзин был занят подготовкой к жертвоприношению Небу — первому крупному ритуалу после его восшествия на престол. Церемония была невероятно сложной, с бесчисленными правилами и церемониальными текстами, так что императору было не до Гу Хуайцина.

Тот в душе порадовался: если бы Сяо Цзин узнал, что он не ночевал дома, да ещё и в веселом квартале, неизвестно, как бы отреагировал.

В Восточной Ограде Гу Хуайцин кое-как отметился, а потом взял с собой на прогулку по дворцу недавно принятого Юй Ханьфэя.

Юй Ханьфэй был тем самым юношей, которого арестовали гвардейцы в парчовых халатах, а потом подобрал Гу Хуайцин. Тому не понравилось его прежнее имя, и он дал ему новое — Юй Ханьфэй, оставив при себе.

Юй Ханьфэй шёл за Гу Хуайциным по пятам, украдкой оглядываясь по сторонам.

Дворец и вправду был таким величественным и блистающим, как в легендах. Глаза разбегались от такого великолепия. Но Гу Хуайцин, казалось, не замечал красоты вокруг, весь уйдя в свои невесёлые думы.

Пройдя немного, он внезапно остановился и нетерпеливо махнул рукой:

— Хватит ходить за мной хвостом, иди, займись чем-нибудь сам!

Не успев опечалиться, Юй Ханьфэй увидел, как Гу Хуайцин развернулся и направился прочь от дворцовых покоев.

Гу Хуайцин во второй раз переступил порог Усмирительного ведомства Цзиньвэй. На этот раз его целью была знаменитая тюрьма Чжаоюй, которую называли адом на земле.

Слава её держалась на двух вещах: во-первых, там содержались не обычные преступники, а те, кого осудили по личному указу императора; во-вторых, из-за невероятного количества жестоких пыток. Попасть в Чжаоюй значило почти наверняка не выйти оттуда живым и невредимым.

Шэнь Юйчжу не удостоился чести попасть в Чжаоюй, а вот Се Хуэйлань — удостоилась, и лично по приказу начальника. Хотя женщины в Чжаоюй и водились, чаще всего это были жёны или дочери преступников, попавшие туда по принципу круговой поруки. А вот такая, как Се Хуэйлань, обвинённая в убийстве мужа, — случай исключительный.

Охрана в Чжаоюй была строжайшей, простому человеку туда не попасть. Но Гу Хуайцин был и человеком из Восточной Ограды, и вёл расследование по императорскому указу, так что гвардейцы, проверив его личность и доложив, впустили его.

Едва Гу Хуайцин переступил порог тюрьмы, как увидел Дуань Минчэня в ярко-красном одеянии с летучей рыбой, стоящего посреди двора. Слово тот знал, что он придёт, и специально ждал.

Тюремный надзиратель пошёл впереди, а Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин двинулись рядом по сырым и мрачным коридорам.

— Как там Се Хуэйлань? — спросил Гу Хуайцин по дороге.

— Начальник приказал поместить её в отдельную камеру, пытки не применяли. Выглядит она довольно спокойно, — ответил Дуань Минчэнь.

Гу Хуайцин вдруг спросил:

— Тебе не кажется, что её внезапная явка с повинной может быть не такой уж простой?

<http://bllate.org/book/16283/1466730>